

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0040.01.01

Галина Савенко

13 февраля 2012

Таре # 1

-Надо быть серьезной?

-Здравствуйте.

-Здравствуйте.

-Назовите, пожалуйста, свое имя и фамилию.

Моя фамилия Савенко Галина Сергеевна.

-Какого года рождения?

-1932.

-А где вы родились?

-Я родилась в городе Бобруйске.

-Несколько недель назад к вам заезжали мои коллеги, и вы рассказывали о ваших воспоминаниях.

-Да.

-На этот раз мы приехали, чтобы заснять все на видео, ваши воспоминания о войне.

-Пожалуйста.

-Скажите , пожалуйста, когда началась война, в 41, где вы проживали?

- Когда началась война мы проживали в городе Бобруйске на улице Октябрьской, 261.

-То есть очень близко к нынешнему дому?

-Да.

- Вы помните, в довоенное время в Бобруйске жили евреи?

-Жили евреи, в нашем квартале их было шесть семей. Были и молодые, были и пожилые люди.

-Вы помните чьи-то имена или фамилии?

-Я хорошо помню Меерович, который рядышком с нашим домом был, Шапиро, Каснельсон. И Каснельсон. Остальные, что-то путаются мне в памяти. А эти, которые близко с нашим домом были. Они были с одной стороны нашего дома, с другой и чуть подальше были. Так вот эти фамилии я запомнила.

-Вы с кем-то из них общались?

-А мы со всеми общались. Там же были детию. Дети моего возраста. Так что мы со всеми общались. Мы дружили. Я ходила к ним. Они ходили ко мне.

-Вы помните чьи-то имена, детей?

-Были и Соня, и Сара, была еще одна, как звали девочку...подождите, я как говорится, уже старая, так уже..и Зоя была тоже. Мама ее была тоже Зоя Михайловна такая. У нас была учительницей она.

-А у Сони какая фамилия была?

-У Сони была Шапиро, а у Меерович была Зоя, они почему-то называли свою дочь, Это Зои Михаловны дочь, в честь , наверное, мамы, это была Зоя.

-Скажите, пожалуйста, дети еврейские ходили в еврейскую школу, или это была общая школа?

-Нет, это была общая школа. Первое время это была общая школа. Мы все вместе ходили в общую школу. У нас тогда еврейских школ не было.

-Так что у вас были одноклассники из еврейских семей или не было?

- С одноклассников была только одна девочка, вот эта Соня. А остальные они были немножко поменьше нас. Но были и взрослые дети, по лет 10-12 может быть было. Но мы как малые, так мы с ними и не общались. У них своя уже дружба была, отдельная, возраст с возрастом.

-Так что эта девочка Соня, она и соседка ваша была, и в том же классе с вами училась?

-Да. Училась. Да. Соня.

-Понятно. А так какие отношения были между белорусами или русскими и евреями до войны?

-До войны? Знаете, я хочу вам сказать, что там, где был наш квартал, там были очень дружные все у нас. У нас никогда не было никаких скандалов, чтобы кто-то кого-то обзывал или чего. Вот именно наш квартал, у нас было больше 22 семей, наверное, но были все очень дружные. Как-то помогали друг другу, как говорится, и поздороваются, и поговорят. И как-то делились, если у кого чего нету. Кусочек, если не хватало чего-то, так приходили, одалживали. Друдили, короче говоря, таким образом.

-Понятно. А когда началась война уже, и когда немцы вошли в город, вы видели, что случилось с еврейскими семьями потом?

-Нет, дело в том, что война началась в 41 году, летом, а преследование началось в 42 году, тогда начали преследовать. Тогда им на рукава какие-то знаки, звезды какие-то или пятиконечные или какие, я не очень хорошо помню, тогда уже немцы, конечно, обращались плохо. Все уже боялись. И старались меньше появляться на улицах.

- До 42, то есть весь 41 они жили спокойно, свободно, в своих домах?

-Да. Спокойно в своих домах. Пока их, как говорится, не трогали. Но все боялись. Каждый старался поменьше находиться на улице.

-А уже в 42 это было когда, летом или весной, когда заставили, как бы носить эти нашивки?

-Подождите..это 42 год...это июнь, июль Да.Это , видно где-то было уже весной, наверное. Тогда уже было тепло. Не сказать, чтоб тепло, потому что люди уже в пальто, как говорится, тогда же у нас и ватники были, и пальто были. Именно заставляли на рукавах носить. Но , почему-то запомнилось, что носили на верхней одежде.

-То есть, было еще прохладненько?

-Прохладненько. Да.

-И носили все, и дети и взрослые? Или только взрослые?

-Нет. Только взрослые.

-И вы видели на семьях ваших знакомых? Они уже тоже все носили?

-Да. На взрослых-да. На детей – не было.

-Но проживали они дома?

-Проживали дома. Да.

-Понятно. И что потом случилось?

- А потом началось немцы вместе с полицейскими , гонение на еврейские семьи. Один раз, значит, был сильный крик, когда подъехала машина, и немцы вместе с полицейскими. Полицейские так мне запомнились. Они носили черную одежду и серыми , по-моему рукавами, и серые нашивки какие-то были. И вот тогда они начали выгонять. У нас часть домов стояла прямо на улице. А часть стояла во дворе, в глубине. И когда начались эти крики, плачи, тогда я с мамой и бабушкой, мы трое жили тогда. У меня была мама, бабушка и я. Мы вышли со своего двора, туда боялись идти. Так мы стояли и смотрели, потому что это было рядом, как они их выгоняли.

-А где вы стояли и смотрели?

-Мы стояли прямо на улице. Когда выходишь, и тут же видно все. С одной стороны, и с другой стороны. Здесь одна семья была, вторая, и напротив была, третья. И дальше была. Так вот этот кусочек, где они, как говорится, и потталкивали, и кричали на них и били их, чтобы они скорее шли в машину.

-А что за машина?

-А, знаете, машина такая, у них какие- то здоровые, большие машины были и еще какая-то лестница, как приставка была. Там же были и пожилые люди, они не могли залезть, и их тогда, как говорится, прикладами этими били, чтоб они быстрее залазили.

-Машина была крытая? Или только бортовая?

-Вы знаете что. Бортовая.

-Не была крытая, да? Не помните?

-Не помню. Или крытая была машина.. Но помню, что она была длинная такая машина. Большая такая.

-Когда люди заходили туда, вы могли их видеть внутри, или не было их видно, когда они поднимались в машину по лестнице?

-Нет. Когда в машину поднимались, их не было видно, чтоб так, значит, машина была, все-таки крытая. Наверное, крытая. Потому что не было видно.

-Если я понимаю, вы были рядышком, в подворотне у себя. И смотрели через улицу?

-Да. Да. Но боялись. Не через улицу, рядом. Вот так стоят дома, тут наш дом стоит, один, второй дом. Дальше третий. А тут забор и калитка, а улица здесь идет. Именно было видно через дом, как там стояла эта машина, как немцы и полицейские были.

- То есть по вашу сторону улицы? Просто направо или налево смотрели вы?

-Да. Да.

-И там была машина. А какая семья, вы помните? Помните фамилии?

-Там жили Шапиры, и помню жили, как это, Кацнельсон жили. Этих я хорошо запомнила. Еще фамилия вертится, еще семья была. Да, была фамилия Вальсон. Вот, вспомнила я.

- Вальсон?

-Да. Вальсон. Там пожилые люди. Мать жила , бабушка с дедушкой жили, фамилию я запомнила, Вальсон.

-Когда загоняли туда людей, вы видели среди них ваших знакомых тоже?

-Именно вот этих людей, которые были, которых мы знали, вот они в машину тогда.

-И там была Соня, ваша знакомая?

-И зоня была. Там была, это самое, и Зоя была. Там были и Кацнельсоны, там были и Шапиры. Вот эта семья. А дальше уже, подальше там были Вальсон, там далеко, так я уже не помню, а эти рядышком, так я хорошо помню.

-А Соня тоже видела вас, что вы смотрели?

-Соня, Соня – да. Мы там стояли и плакали вместе, они же там плакали стояли , мои хорошие. И Соня так рыдала. Мы же дети, вместе дружили, вместе бегали. Короче говоря, тоже рыдали.

-Но вы не смогли поговорить, не было возможности.

-Поговорить не было. Потому что могли убить. Могли убить. Там такое дело, что только на расстоянии, махали мы руками стояли.

- А их когда в эту машину загоняли, их вместе с какими-то вещами загоняли? Или с пустыми руками?

-Нет , вы знаете, у них были какие-то , раньше были чемоданы какие-то. Знаете, чемоданы. С чемоданами. Да, да. А остальные вещи, которые у них оставались, тогда у немцев были какие-то старосты, считались они.

Тогда они уже ездили на машинах и собирали с еврейских семей то что там уже было. Собирали.

-Сразу же после того , как их арестовали или попозже.

-Как их арестовали и чуть попозже. Какие-то церковные старосты были. Они служили у немцев, видно. Так вот они собирали, все, что там оставалось.

-Вы видели, как такие машины приходили.

-Я видела почему, потому что там рядом с домом жил этот староста, русский он был. Мои родители говорят, вот он собирал. После того, как уехали эти семьи, так он собирал оттуда и свозил куда-то.

- Он приезжал сам или с кем-то? С помощниками. С кем-то приезжал?

-Вот это, знаете, я так его не видела, как он приезжал, собирал и как там что.

-Родители ваши видели?

-Да, потому что он жил не в нашем доме, он жил рядом с домом. Были разговоры, что он на службе у немцев и занимается этим делом, это мы слышали.

-А как его звали? Имя, фамилию не помните?

-Его фамилия была, подождите, Иванов Василий Михайлович, по моему. Если я не ошибаюсь. Но он во время, после войны его наши забрали и дали ему тогда 10 лет. За вот это вот, то , что он делал.

-Это уже после войны?

-После войны. Да.

-Его судили в Бобруйске?

-Да. Его судили в Бобруйске и дали ему 10 лет. Так что он сидел. Именно за то, что он на немцев работал.

-Вы от других слышали? Или приходилось быть на процессе?

-Нет-нет. Это в семье, бабушка , мама и я. Так уже разговоры были в семье, так я от этого помню и знаю. Что он занимался этим делом.

-Хорошо. Понятно. Сколько времени происходила эта сцена, когда забирали евреев? Это было быстро или там какое-то время?

-Нет. Это всё не очень быстро было, потому что люди не хотели , конечно. Это ж страшно. Это же надо было выходить. Они уже силой выгоняли с домов. Не то что выходи и пошел. Может быть они и издевались внутри квартир. Это понятно. Потому что они с плачем, с криком уже они их выталкивали из домов. Вот в чем дело. Да. Своими автоматами.

-А как долго вы наблюдали? Сколько времени?

-Около часу,наверное, мы наблюдали.

-Около часу?

-Не знаю почему эта процедура так задерживалась. Потому что в одной семье, во второй. Они же так. Тут, тут, тут и дальше они ехали. А так как семьи были у нас небольшие, так было видно что там, там бедненькие кричат. Там выгоняют. А может и меньше было, я уже не помню. Но не так, чтобы 5 минут, они их сразу раз-раз согнали и выгнали.

-Сколько они людей собрали в эту машину?

-Ну дело в том, что, сейчас скажу. Здесь было три, четыре, там было три, шесть, и сзади шесть. Было , наверное, человек 12.

-А сколько было немцев и полицаев?

-Вы знаете что? Немцев было по несколько человек, и полицаев. По человека три, наверное. Там стояли они. Немцы стояли с автоматами, с оружием, и полицаи были. Так полицаи как-то больше издевались над еврейскими семьями.

-Когда выталкивали из домов, выталкивали полицейские или немцы?

-Выталкивали полицейские вместе с немцами. Потому что часть немцев стояла около машины, а остальные , видно, заходили в квартиры вместе с полицейскими.

-Понятно. Вы знаете куда их потом повезли?

-Вы знаете, мы ничего не знаем. Но через некоторое время было слышно, вот как людей расстреливают. Были слышны звуки, как расстрел. Тук-тук-тук-тук. Вот так вот. Так наши говорили. Это , наверное , расстреливают. Может быть еврейские семьи. Но не в курсе дела.

-Это в тот же самый день вы слышали выстрелы, или это на другой день?

-Это на другой день. Потому что сразу нет. Видно пока собирали или что. А на следующий день, конечно, это было слышно.

- И долго такая стрельба была?

-Стрельба была не долго. Но это было не утром, где-то под вечер.

-После этой сцены, что вы наблюдали, ваши соседи, евреи, возвращались потом? Вернулись?

-Вы знаете, уже после войны, эти, которых забрали, молодых там уже и не было. Не знаю кто там жил. Этих уже порасстреливали, там уже никого не было. А эти , может быть, молодые, они сюда уже ,видно ,потом и не возвращались, я не знаю.

-А были такие евреи , которым удалось эвакуироваться до войны?

-Были, да. Вот, этот самый, Меерович, фамилию еще запомнила. Зоя Михайловна. У нее была сестра. Одна и вторая. Она уже была замужем. Эти сразу уехали. У Шапиро уехала дочка, как-то вышли они, женились до войны. А там уже остались такие. Молодые поезжали. Сумели еще уехать. А остались в основном в возрасте все. И остались еще детки. Софа и Зоя.

-То есть, из тех, кто остался в Бобруйске, никто не выжил, правильно.

-Да. Да. Кто остался, так никто и не вернулся. Никто.

-Вам неизвестны случаи, когда кто-то спрятался или спасся каким-то другим образом?

-Нет, там где мы были, там никого. У нас был один русский мальчик, ну белорус. Он был вылитом похож на еврея. И немцы его все время называли – Юда, Юда, Юда. Вот мы его в окопе у себя хранили, чтоб его только не расстреляли. Но он вылитый был, Аркадий этот. У него мать умерла, а мачеха не смотрела за ним, так мы его в окопе приютили, этого Аркашу. Один раз получилось так, что напротив нашего дома стояли немцы, у них там был продовольственный склад, или чего. И там стояли большие, громадные бочки. С вином, видно. Ну и Аркадий туда , как ребенок, пошел. Думал, может что-нибудь дадут. Так немец, так подноска , бедному дал, что он летел через калитку , к нам сюда. Так мы говорим,

Аркадий, ты уже не ходи, мама говорила, потому что убьют тебя и всё. Юда, юда и всё и никаких гвоздей, а он русский, никакой он не юда, но вот так тоже издевались.

-А вы говорили..

-А на следующих кварталах там , даже случаи были, порасстреливали на месте. Но я только слышала.

-Кого расстреливали?

-Белорусов этих. Немцы стреляли вместе с полицаями, а чего, я не знаю.

-Белорусов?

-Да.

-Это я не могу сказать. Наша улица вот так шла, а эта параллельно. Сказали, что там Белокурскую убили. Но это было , когда отходили, наверное. Хогда уже немцы удирали, а наши ходили. Не знаю почему их порасстреливали. Это я не могу сказать.

-Просто слухи такие были?

-Да. Да. Слухи. Мы дети были . Никуда нас сильно и не пускали. Только помню, проснулись, вышли на улицу, и немцы. И все они лежали в ряд. Отдыхали, спали, видно. И смотрим, как дорога, а они все рядышком лежат, спят. Мы потом себе блендаж сделали, когда началось отступление, так мы в блендаже сидели. А наши дома все позанимали немцы. Повыламывали двери, замки эти и были.

-Были еще случаи, когда вы видели, как арестовывали или избивали людей? –Так, я не могу уже сказать. Я запомнила, как их с домов только

забирали. Это я слышала и крики и плачи эти, и как их прикладами били, чтоб они быстрее поднимались. А люди старые были, это ж не то что он ухватился и скорей пошел. Это мы слышали.

-В те годы вам приходилось видеть военнопленных советских?

-Вы знаете, военнопленных мы не видели. Одни немцы ходили. Только по кино можно было видеть, как они вели пленных. Хотя, сказали, в Бобруйске был какой-то лагерь, куда военных сгоняли.

-Вы говорите про кино, это после войны уже? Что вы видели в фильмах?

-Да. Да. Да . А так мы же никуда не ходили.

-В прошлый раз вы рассказывали моим коллегам, как слышали, что какого-то мужчину избивали.

-Да. Это было неоднократно. Вот как у нас стоял дом. Стоял забор. Тут крылечко возле дома было. И подъехала лошадь вместе с фаетоном. Раньше фаетоны какие-то были и почему мы вышли на крыльцо и за забором, слышали, как они его били сильно, а он кричал на них–Бей, паскуда! Все равно нас всех не перебьешь. Они его очень сильно били. Избивали именно полицейские. Почему? Потому что у нас там рядом жила семья, их дочка вышла замуж за полицейского. Прямо возле нашего дома. Там было место такое. Забор. Мы это слышали. Это лично я стояла на крыльце и слышала. Мои родители сказали, это был не первый раз. Это часто они приезжали и издевались над людьми, били их.

-А почему именно на том месте?

-А мы не знаем почему. Потому что там жил полицейский, наверное этот. Он , наверное, в этой битве и участвовал.

-А как его фамилия? Не помните?

-Это я уже не знаю. Его фамилию не знаю.

-А когда вы были возле этого забора, вам было что-нибудь видно?

-А нет, забор был высокий. Плотный был забор. Только было слышно. Потому что, это вот крыльцо. А здесь забор. Так когда стоишь на крыльце, они нас не видели. А мы, дверь открываешь, стоишь на крыльце, так все слышно. И стояли тихонько. Если ты что-то скажешь, так они возьмут тебя через забор и убьют. Так боялись.

-А вы слышали весь разговор, все происходило по-русски, или по-белорусски?

-Нет, когда его били, мы слышали только его. Но били сильно, потому что слышно как бьют человека. Вот я слышала, как он говорил, паскуды, или как он на них говорил, что вы нас всех не перебьете. Все равно придет и на вас гибель. И они его избивали. Мама говорит, что привозили часто. А этот раз лично слышала, стояла.

-А откуда вы знаете, что его привезли на повозке с фаетоном?

-Почему? Потому что было темно, и подсмотрели в заборе от сучков дырочки были. В дырочку подсмотрели. Стояла лошадь с фаетоном этим. Вот такая лошадь с таким вот.

-А людей вы не могли видеть?

-Людей – нет. Не было видно.

-Понятно.

-Они его, наверное, вытаскивали с кибитки этой. Его прямо возле этого били, возле повозки этой. Я так думаю. Они же не могли его там бить. Значит, вытаскивали и били.

-И другие голоса вы не слышали? Кроме человека этого?

-Только человек, которого били, так он кричал.

-А полицейские ничего не говорили? Не кричали?

-А вот этих я не помню. А его голос запомнила хорошо, он даже в ушах у меня стоит. Потому что была ребенком маленьким.

-Вы уверены, что там не было немцев? Только полицаи?

-Да. Только полицаи.

-Просто вы их не видели, голосов тоже не слышали, как вы уверены, что полицаи?

-Так полицаи этим занимались, они били. Не немцы. Им скажут, где коммунист какой, они забирали и издевались.

-Вам известны еще какие-то случаи? Когда полицаи издевались над людьми.

-Нет, я не могу сказать случаев. Только то, что видела. И слышала от своих. Если бы мама была жива или бабушка, они бы вам больше рассказали. А я, как ребенок, что помню.

-А вы простояли до конца? Слышали, как его оттуда увозили?

-Стояли, стояли. Была тишина. А потом они уехали.

-Дальше вы не знаете?

-Не знаю. Видно, забрали и уехали. А когда били, слышно было очень хорошо. Как он с ними говорил. Но побои сильные были.

-Вам в те годы военные приходилось видеть убитых людей, повешенных людей, мертвых людей?

-Вы знаете, мы дети, мы не ходили. Слышали, что на площадях вешали людей. Это слышали. Но я не могу сказать. Нет. Такое было воспитание, что мы не могли на улицах ходить самостоятельно. Что выбросил ребенка, и он ходит где-то до вечера. У нас было строго. Я была одна. Худенькая такая и маленькая была.

-В прошлый раз, когда вы рассказывали, что избивали человека, вы говорили, что узнали голос вашего соседа полицейского. Вы не помните?

-Просто было так, что это могла быть только его работа, но не чужих. Потому что именно он этим занимался.

-То есть это предположение ваше? Но вы не помните, чтобы вы слышали?

-Его я не помню.

-Мы остановимся здесь. Спасибо. Знаете, у нас есть еще несколько вопросов. Уточнений. В прошлый раз вы говорили, что на еврейских домах тоже были какие-то знаки?

-Почему-то мне запомнился знак, хотя мне показывали знак другой еврейский, но мне запомнился такой знак. В детстве запомнила.

-Как буква Р, да?

-Да. Да. Вот я так запомнила. На домах такие знаки были.

-А они появились сразу после прихода немцев? Или попозже?

-Они не то, чтобы в 41 году. Они появились позже. Они где-то в 42. Пока они, видно, всех перепись сделали. Не знаю. Запомнились мне именно эти знаки почему-то.

-Они были нарисованы чем-то?

-Они как под трафарет, видно, сделаны. Так приложил и кисточкой. Именно не сюда, а вот так и вот так было. Я вот это не знаю почему. Как трафарет. Вот такой высоты.

-Так и остались эти знаки потом на домах?

-Эти знаки они были, а потом я даже не могу сказать. Если бы я была взрослее, так может мне больше припомнилось.

-Вы утверждали, что полицейские хуже вели себя, чем немцы с евреями.

-Да.да. Даже хуже. Они больше издевались. Да. Полицаи эти были страшные люди.

-Но вы видели что-то? Знаете? Наблюдали какие-то случаи? На чем основывается ваше мнение?

-Основывается на всех этих разговорах среди населения. Немцы, как говорится, были среди них и человечные. Но, в основном, они, конечно, были звери. Немцы были звери.

-Но вы лично не можете вспомнить какие-то замечания. Про полицейских?

-Да. Про полицейских.

-Я помню, что в конце нашего квартала жил полицейский высокого роста. Дело в том, что о них никто никогда хорошо не отзывался. Они всегда издевались над евреями и коммунистами.

-Вы в прошлый раз говорили, что был полицейский один, Валентин. Этот полицейский?

-Да. Валентин. Ну от нас где-то дома через 4 жил. Он женился на русской такой женщине. Она была православная. Так этого полица я мы, дети, хорошо запомнили. Высокого роста мужик был. Валентин.

-Вы видели когда-нибудь как он вел себя с другими людьми, жесткое обращение?

-Мы дети, мы не видели как он себя вел. Знали, что полица и все его боялись. Отходили. Он не то что человек был с улыбкой, вечно он злой был. Какой-то недовольный. Такая физиономия у него была. Высокого роста был такой мужчина.

-А после того, как немцы зашли, и некоторое время ничего не случилось с евреями, их потом уже заставили носить эти нашивки, да?

-Да. Да. Сразу нет. Чтоб сразу полонничество было, нет. Они же пришли летом. Сразу нет. Уже потом началось все это. А не то что сразу пришли и сразу стали убивать. Нет.

-А когда они носили эти нашивки, они свободно передвигались по городу? Ходили с вами в школу все еще?

-Да. Свободно. С нашивками они ходили свободно.

-И дети ходили в школу?

-Дети ходили . Да. В 42 году. А потом это было в сентябре где-то. А нет. Наверное нет. Дети. Вот с этой Соней я еще знаю, мы были одноклассники. В сентябре. Значит это было уже после сентября, наверное.

-Когда забирали?

-Да. Потому что , это не то, что они шли раздетые. Они шли не раздетые. Они одетые шли. Это , наверное, уже было после сентября.

-А в сентябре она еще была в школе с вами?

-Ходили мы. Она , правда, не очень близко была. В школу мы ходили с ней.

-То есть, до того, как ее забирали, она еще нормально ходила в школу?

-Да мы вместе были. Рядом были дома. А потом уже и все, и нет. После этого началось это все.

Пожалуй, это всё, что я хотела спросить вас. Мы остановимся здесь. Спасибо вам.

-Может , я по памяти и не помню что, мои хорошие. Это же столько лет тому назад.